

УДК 327(470:517.3)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.76>

Автономная Монголия и революционная Россия: о политике Советской России в отношении Монголии в 1917–1920 гг. (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)¹

Н. Хишигт

Институт истории и этнологии МАН, г. Улан-Батор, Монголия

Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассматривается эволюция политики Советской России в отношении Монголии, начиная с первых внешнеполитических шагов Страны Советов в 1917–1918 гг. и заканчивая созданием Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и ее структурной единицы – монголо-тибетского отдела в 1919–1920 гг. Отмечается, что от единичных контактов с официальными лицами Монголии большевики переходят к подготовке документов, в которых, с одной стороны, говорилось о возможности создания монголами единого монгольского государства в форме народной республики, а с другой – о единстве интересов трудовых масс Китая и Монголии. Подчеркивается, что идеологи Коминтерна в целом рассматривали Монголию в увязке с революционным движением в Китае.

Ключевые слова: Советская Россия, Монголия, НКВД, Коминтерн, Секция восточных народов Сиббюро РКП(б), монголо-тибетский отдел.

Для цитирования: Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Автономная Монголия и революционная Россия: о политике Советской России в отношении Монголии в 1917–1920 гг. (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 37. С. 76–87. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.76>

Октябрьская революция 1917 г. привела к возникновению на территории бывшей Российской империи советских социалистических республик, а проекты социалистических и национальных революций в качестве основы государственной независимости и суверенитета рассматривались революционно настроенной интеллигенцией разных стран как передовые идеи, которые могут воплотиться в реальность. Однако новые революционные идеи еще не полностью охватили страны Востока. Одной из немногих стран, включившихся в национально-освободительное движение, была Монголия. Зажатая между двумя великими соседями – Россией и Китаем, страна была

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) и МинОН Монголии, проект Шу Гх/ОХУ/2019/10 «1921 оны Монголын хувьсгалыг монгол үндэсний түүхийн үүднээс авч үзэх нь» (1921 оны Монголын хувьсгалын 100 жилийн ойд зориулав).

зависима от изменений их внешней политики и двусторонних российско-китайских отношений. В этих условиях Монголия пыталась воспользоваться меняющейся геополитической ситуацией.

Целью настоящей работы является изучение политики Советской России в отношении Монголии в 1917–1920 гг. Для ее достижения поставлены следующие задачи: 1) изучить первые внешнеполитические шаги Советской России в монгольском направлении; 2) выявить контакты между большевиками и официальными лицами Монголии, имевшие место в 1917–1918 гг.; 3) провести анализ документа «Автономная Монголия и революционная Россия», подготовленного Восточным отделом Коминтерна в декабре 1919 г.; 4) изучить обстоятельства создания и деятельность Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и монголо-тибетского отдела; 5) рассмотреть вопросы финансирования монголо-тибетского отдела. В целях исследования привлечены научные работы российских и монгольских авторов, включая публикации советского периода. Так, можно отметить труды российских исследователей А. В. Бурдукова, М. И. Гольмана, С. Г. Лузянина, Б. В. Базарова, С. Л. Кузьмина, И. Н. Сотниковой. Из публикаций монгольских историков, использованных при написании статьи, следует выделить работы ученых периода строительства социализма в МНР: Л. Бат-Очира, Д. Дашжамца, Д. Даша, Б. Ширендыба. Помимо перечисленного, авторы статьи обращались к некоторым своим предыдущим научным исследованиям, посвященным изучаемой проблематике. Основу исследования составили архивные источники и сборники документов, изданные на русском и монгольском языках. В частности, документы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории и этнологии Монгольской академии наук, фондах РГАСПИ. Большую роль в написании работы сыграли архивные документы, опубликованные в следующих сборниках: «Подвиг Центросибири, 1917–1918» [11], «Российско-монгольское военное сотрудничество» (1911–1946) [12], «Монголия в документах Коминтерна» (1919–1929) [9], «Монголын тухай БХК(б)-ны баримт бичиг (1920–1932)» («Монголия в документах ВКП(б) (1920–1932)») [15]. В них содержатся ценные сведения о контактах между большевиками и монгольскими официальными лицами; официальные документы Коминтерна, монголо-тибетского отдела.

После провозглашения Советской России послы и консулы Российской империи были смещены с постов, о чем были извещены государства, в том числе Монголия. Однако известие об этом дошло до Монголии несколько позже, о чем свидетельствует машинописная копия документа на старомонгольской письменности, которая хранится в рукописном фонде Института истории и этнологии Монгольской академии наук. В ней говорится, что в телеграмме, полученной в конце февраля 1918 г., НКВД РСФСР известил МИД Монголии о смещении прежних консулов в Монголии, которые не имеют полномочий обсуждать какие-либо дела, и призвал монгольских правителей не входить с ними в сношения. А если таковое состоится, то будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела Советского госу-

дарства. Далее речь идет о назначении советских представителей на местах, в том числе консула Васильева в Урге².

25 ноября 1917 г. была предпринята первая – неудачная – попытка установить дипломатические отношения между Советской Россией и автономной Монголией. В этот день советское правительство отправило телеграмму в российское консульство в Урге с предложением безоговорочного признания советской власти [7, с. 180]. Несмотря на неудачу, в январе 1918 г. около здания русского консульства в Урге собралось несколько сот русских, которые приветствовали установление новой власти в России и заявили о своем неподчинении царскому консулу и другим представителям старого режима [1, с. 26].

По мнению С. Г. Лузянина, внешняя политика Советской России в отношении Монголии в рассматриваемый период осуществлялась по двум основным направлениям. Первое имело целью замену прежних российских консулов представителями советской власти и установление официальных отношений с правительством автономной Монголии; второе направление проявлялось в подпольной революционной деятельности в Монголии по линии ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) и Сибирского бюро ЦК РКП(б) [10, с. 77–78], которая не выходила за пределы русской колонии в монгольской столице.

В этой ситуации Советская Россия отслеживала состояние монгольской политики из приграничных регионов; получала сведения из Информационного бюро, созданного в среде российских рабочих Урги; направляла в Монголию своих представителей из учреждений, расположенных в Сибири. Так, в 1918 г. большевик Я. Д. Янсон и лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино встречались в приграничном городке Алтанбулак с местным сайтом (чиновником) Дугаржавом [8, с. 387; 14, с. 221]. По другим сведениям, член Центросибири Л. Д. Клейман-Муллер и переводчик Э.-Д. Ринчино в 1918 г. смогли приобрести оружие у Сэцэн-хана [5, с. 90]. Таким образом, можно предположить, что указанные лица выезжали в 1918 г. через Кяхту в Монголию.

Как отмечал Б. З. Шумяцкий, монголы также выезжали в Россию, интересовались положением дел в новом государстве. Так, в конце 1917 г. несколько человек прибыли из монгольского Маймачена в Иркутск. Они встречались с Б. З. Шумяцким и С. Лазо, представлявшими Центросибирь и Сибирское бюро ЦК РКП(б) [3, с. 87–88]. Предполагают, что одним из них мог быть Сайн-нойон-хан Намнансурэн, в то время занимавший должность военного министра в правительстве автономной Внешней Монголии. Мон-

²Зөвлөлт засгийн газраас хуучин элчин консулуудыг халж, шинэ элчин консулуудыг томилсоныг мэдэгдэж Монголын Гадаад явдлын яамнаа ирүүлсэн цахилгаан утас [Телеграмма правительства Советской России МИД Монголии о смещении старых консулов и назначении новых консулов] / Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан. Х. 2, д. 1, хн. 496. хуудас 8–9 (Рукописный фонд Института истории и этнологии Монгольской академии наук. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 496. Л. 8–9).

гольские исследователи с ним не согласны, так как нет сведений о том, что Намнансурэн в указанный период выезжал в Иркутск.

С. Г. Лузянин, который ввел в научный оборот материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), также указывает, что в декабре 1917 г. руководители Центросибири С. Лазо и Б. З. Шумяцкий встречались с Сайн-нойон-ханом Намнансурэном в Маймачене и встреча эта в большей мере носила пропагандистский характер [10, с. 85]. Этот факт заслуживает внимания, так как местом встречи обозначен Маймачен, а не Иркутск, что, вероятно, ближе к истине. Возможно, председатель Исполнительного комитета Центросибири Б. З. Шумяцкий и член Центросибири С. Лазо вместе выезжали в приграничный район и встречались с официальными лицами, представлявшими монгольскую сторону [11, с. 117]. Имеются сведения, что Б. З. Шумяцкий, действительно, занимался пограничными вопросами, а также заготовкой мяса и поставками продуктов для нужд фронта.

И все же, оставляя вопрос о Т. Намнансурэне открытым, обратимся к другим сведениям – о том, кто из официальных лиц Монголии мог встретиться с представителями советской власти: «... когда Советы были заново учреждены в Троицкосавске, гун Дугаржав, назначенный монгольским чиновником Кяхты, был на приеме в советском Троицкосавске и высказал пожелание об укреплении давних взаимоотношений между двумя странами» [17, с. 94]. В самом деле, кяхтинский консул В. Лавдовский сообщал, что «21 марта 1918 г. заместитель монгольского чиновника гун Дугаржав ездил в советскую администрацию в г. Троицкосавск, спрашивал о прежних консулах; узнав, что прежние консулы мешают Советам установить отношения с Монгольским правительством, пожелал обратиться в свое ведомство в Кяхте» [4, с. 25–27]. Таким образом, видно, что некоторые представители власти в приграничных районах Монголии проявили дружелюбие к новым российским властям и не возражали против установления связей с ними. Хотя этих шагов и инициатив было недостаточно для взаимодействия на государственном уровне.

Политика нового Советского государства оставалась во многом мало-понятной для монгольских властей, и монгольское правительство не спешило устанавливать отношения с Советской Россией. Свидетельством тому является обращение НКВД РСФСР от 26 июля (3 августа) 1919 г. к народу и правительству Монголии, не получившее ответной реакции монгольских правителей, хотя в обращении говорилось об отмене всех договоров царской России с Монголией [12, с. 112–113]. Причина этого заключалась в том, что монгольские правители еще не имели ясного представления о цели и задачах Советского государства [14, с. 14].

Ситуация коренным образом изменилась, когда, по мнению современника, монголоведа А. В. Бурдукова, «кучая монгольская автономия под нажимом японофила Сюй Шучжена была упразднена» [2, с. 161]. В Монголии начали усиливаться антикитайские настроения, и Советская Россия стала строить по-новому политику в отношении Монголии.

В декабре 1919 г. Восточный отдел Коминтерна подготовил документ «Автономная Монголия и революционная Россия», в котором обозначил основное направление политики и деятельности Советской России в отношении Монголии. Вопрос о восстановлении автономии Монголии рассматривался в документе с позиций Монголии и России и привел к двум важным выводам: во-первых, о важности объединения Монголии и сохранения ее автономии для России; во-вторых, о важности сохранения автономии Монголии прежде всего для самих монголов³. Это была основная линия политики Советской России в отношении Монголии, впоследствии нашедшая отражение в практической деятельности. Претворение политики России в Монголии возлагалось на сотрудников НКВД РСФСР с незапятанным прошлым, хорошо знающих Монголию, монголов и их язык и могущих пользоваться безусловным доверием как русского населения, так и местных властей. Они должны были усилить в стране авторитет советской власти, наладить нормальные дружественные отношения с местными властями и упрочить взаимное доверие. Предполагалось наряду с устной пропагандой использовать специальную литературу на монгольском языке. В документе была высказана мысль о том, что монголы могут создать единое монгольское государство в форме народной республики. Однако между Советской Россией и Монголией так и не были установлены официальные отношения и в целом существовало мало возможностей для реализации деятельности по линии НКВД РСФСР [16, с. 144].

В июне 1920 г. руководители Советской России и Коминтерна приняли решение об образовании при Сибирском областном бюро ЦК РКП(б) Секции восточных народов [6, с. 119], на которую была возложена работа по организации и руководству революционной деятельностью на Востоке. Финансово и организационно секция находилась в подчинении Сибмиссии. В состав секции первоначально входили Н. Г. Буртман (председатель), Ф. И. Гапон, Н. К. Гончаров. Затем, в конце сентября 1920 г., к ним присоединился секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) М. И. Бронштейн [13, с. 130]. Согласно постановлению ЦК РКП(б) № 1 от 6 октября 1920 г. все они были утверждены в качестве сотрудников секции, причем Гапон назначен заместителем председателя. В архивных материалах сохранились сведения о заработной плате председателя и его заместителя в размере 3900 руб. ежемесячно⁴.

В записке уполномоченного Сиббюро по восточной работе Н. К. Гончарова на имя председателя ИККИ Г. Е. Зиновьева подчеркивалась необходимость начала работы русских товарищей секции по созданию коммунистических организаций в Китае, Корее и Монголии. В документе также отмечалось, что партийный аппарат необходимо составить из национальных кадров, которые следует отправить в перечисленные страны и развернуть там деятельность по формированию полноценных партий. Гончаров указывал на немногочисленность опытных людей, которые могли бы проводить

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 1. Л. 25–26.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 16. Л. 1.

партийную работу среди китайцев, корейцев, японцев, монголов, бурят. Для осуществления поставленных задач он испрашивал разрешение на:

- 1) предоставление Сиббюро всех полномочий Коминтерна;
- 2) проведение через Секцию восточных народов всех сотрудников, предназначенных для работы среди народных масс Востока, в том числе и лиц, направляемых по линии НКВД, Коминтерна;

- 3) предоставление секции всех полномочий НКВД для развертывания деятельности среди народных масс Востока [15, с. 430]. Задача по революционированию Востока была возложена на Сиббюро РКП(б). Причем оно могло выступать в качестве как дипломатической, так и революционной организации и исполнять их функции в надлежашей ситуации и в соответствующее время. Для облегчения работы со странами Востока Секцию восточных народов, расположенную в Иркутске, было решено разделить на четыре отдела: китайский, корейский, монгольский, японский. Однако, кроме корейского, остальные сразу не были созданы.

20 августа 1920 г., когда делегаты Монголии (знаменитая «монгольская семерка», в составе которой были Д. Бодоо, С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Сухэ-Батор, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан) прибыли в Иркутск, состоялось собрание по созданию коллегии монголо-тибетского отдела, считавшегося третьим по счету отделом секции. В его работе, помимо С. С. Борисова, Д. Цэдэн-Иш, Цэрэн Ванчикова, приняли участие и монгольские делегаты Д. Бодоо и Х. Чойбалсан. Руководителями коллегии были избраны Э.-Д. Ринчино, С. С. Борисов, С. Николаев. Обязанности секретаря были возложены на С. Николаева, заведующего агитационно-пропагандистским подотделом – на Э.-Д. Ринчино, временно исполняющим обязанности заведующего организационно-инструкторским подотделом был назначен Ц.-И. Дашепылов, врио заведующего подотделом информации и связи – С. С. Борисов. Ц. Жамцарано (Бегзеев) и Ванчиков были определены агентами – сотрудниками отдела, работающими на местах в Урге и Маймачене. Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана было решено привлечь в агитационно-пропагандистско-издательский подотдел. Чойбалсану было дано право члена коллегии⁵ [9, с. 34]. О создании монголо-тибетского отдела и начале его деятельности Гончаров и Буртман сообщили 28 августа 1920 г. по телефону в ЦК РКП(б) [16, с. 147].

В «Принципах деятельности Монголо-тибетского отдела Секции восточных народов» общей задачей отдела обозначено «...революционирование монголо-тибетских народных масс, распространение на него влияния Советской России и вовлечение в борьбу с мировым империализмом в его азиатских проявлениях» [9, с. 37]. Деятельность отдела была разделена на две части: 1) работа отдела как стационарного учреждения и 2) работа, выполняемая непосредственно на местах.

В документе была определена политика секции и отдела, включая оценку национального движения монголов, их отношения к нему, задачи на

⁵ Протокол № 1 организационного заседания коллегии Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро РКП(б). 20 августа 1920 г. г. Иркутск.

ближайшее время и на перспективу. В частности, в нем говорилось: «Во-первых, идеологически овладеть национальным движением монгольской народной массы, оберегая и очищая его от вредных наслоений, могущих засорить его социальную сторону; во-вторых, национальное движение направить в сторону ускорения внутренней социальной расстройки путем содействия усилению влияния народно-революционной партии за счет ослабления феодально-теократического слоя» [9, с. 37]. Агитационно-организационную работу монголо-тибетский отдел в целом должен был подчинить основной задаче – всемерному выявлению в идеологии монгольской народной массы социальных мотивов. Другими словами, большое внимание в рамках национального движения должно было уделяться именно разрешению противоречий в самом монгольском социуме. Националистические мотивы отходили на задний план, и отдел должен был всемерно стремиться к очищению монгольских национальных настроений от шовинистического налета. Несмотря на такие планы, сама цель и задачи национального движения в Монголии, социальный состав его участников категорически отвергали возможность реализации поставленных выше задач [16, с. 148]. Поэтому для начала планировалось предпринять тактические шаги, например не прерывать контактов с националистически настроенными князьями и ламами, ибо устремления монгольских партийцев и патриотически настроенных феодально-ламских кругов были едины в идее воссоздания автономии.

К другим задачам отдела относились: создание политической и военной школы в Иркутске, подготовка кадров из числа монголов и бурят, издание газеты на монгольском языке. Отделу также предписывалось оказывать Народно-революционной партии Монголии содействие в установлении возможно более тесной связи с политическим течением Китая. Мотив единства интересов трудовых масс Китая и Монголии должен был находить отражение в повседневной работе отдела.

Хотя отдел носил название монголо-тибетского, в то время не ставилось задач, связанных с Тибетом. Вся его деятельность была направлена на Монголию, об этом красноречиво свидетельствует инструкция для сотрудников, направляемых на работу в Монголию⁶ [9, с. 35–36].

Монголо-тибетским отделом руководили Ф. И. Гапон и Б. З. Шумяцкий. В первое время сотрудников отдела было очень мало: в списке Гапона от 15 сентября 1920 г. значилось 8 человек, из которых Ринчино, Дашепылов, Сухэ-Батор, Чойбалсан заступили на должности с 20 августа, Николаев – с 3 сентября, Бегзеев и Ванчиков – с 4 сентября, Д. Убугунов – с 15 октября 1920 г.⁷ В последующем отдел в основном формировался из числа бурят (Г. Данчинов, Б. Цыренжапов, Б. Балданов, Б. Ишидоржин, Мария Ринчино, Ч. Очиров, С. Нацов). По мере развития событий в Монголии число сотрудников стало увеличиваться. Объем финансирования также рос, о чем можно судить по валютной смете монголо-тибетского отдела на 1921 г. От-

⁶ Инструкция сотруднику Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 16. Л. 2.

дел запрашивал на свои нужды 121 600 долл., из которых 100 тыс. должны были составить расходы по перевозке тяжелых грузов (артиллерии и пулеметов) и печатных изданий. Остальные деньги шли на командировки сотрудников (8400 долл.), связь (12 тыс. долл.), на непредвиденные случаи (1200 долл.). К последним относились приемы монгольских делегатов, подарки. Из этих статей расходов привлекает внимание дороговизна перевозки артиллерии и пулеметов. По нашим подсчетам, средний караван верблюдов из 25 животных обходился недешево: один верблюд стоил от 40 до 100 китайских янчанов (китайский янчан – это мексиканский серебряный доллар, имевший обращение в Китае. По всей видимости, его курс в то время был равен американскому доллару. – *Авт.*). Кроме того, отдел не имел возможности работать непосредственно в Урге, поэтому в качестве мест работы рассматривались такие отдаленные районы, как четыре аймака – Халхи, Кобдо, Шара-сумэ, Пекин; Чжиримский сейм, Верхняя Монголия, Тибет и Лхаса. И все же запрашиваемая отделом сумма была завышена и не соответствовала реальным потребностям [16, с. 150].

Коминтерну для поддержки революционного движения на Востоке было необходимо существенное финансирование. Только на революционную борьбу в Корее и Китае в 1920 г. советским правительством было выделено 300 тыс. руб. По мере расширения сферы деятельности увеличивалось и финансирование. Например, в феврале 1921 г. Б. З. Шумяцкий отправил запрос секретарю Коминтерна М. Кобецкому, в котором сообщалось о выдаче коммунистическим организациям Востока полагающегося в июне финансирования в размере 500 тыс. руб., а также 1400 пачек твердой белой бумаги – для издания газет, книг и брошюр⁸. А отсутствие средств может остановить всю деятельность. Однако силой не только денег должна была решаться революция в Азии. Поэтому на территории Советской России были созданы коммунистические организации Кореи, в городах Китая коммунистические агенты формировали революционные ячейки. Но реальная возможность у Советской России и Коминтерна осуществить революцию была связана только с Монголией [Там же, с. 151].

Таким образом, траектория внешней политики Советской России в отношении Монголии в 1917–1920 гг. была не всегда предсказуемой, но необратимо поворачивалась в сторону укрепления своего влияния в соседней стране. Обращения большевиков к монгольскому правительству на первых порах не возымели успеха, поскольку в глазах монгольских чиновников ситуация в России выглядела неопределенной и переменчивой. Линия Коминтерна, первоначально рассматривавшая Монголию в русле общекитайской революционной перспективы, в 1920 г. резко изменилась в сторону радикализации курса в связи с отвечающими требованиям большевиков планами монгольской делегации. Создание Секции восточных народов и монголо-тибетского отдела свидетельствовало о конкретных практических шагах со-

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 97. Л. 10–11.

ветской власти и Коминтерна по включению Монголии в мировое революционное движение.

Список литературы

1. *Бат-Очир Л., Даишжамц Д.* Дамдины Сухэ-Батор. Биография. М. : Наука, 1971. 135 с.
2. *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. М. : Наука, 1969. 418 с.
3. *Даиш Д.* Борис Захарович Шумяцкий. Улаанбаатар : Улсынхэвлэлийнгазар, 1987. 110 с.
4. История советско-монгольских отношений / сост. М. И. Гольман [и др.]. М. : Наука, 1981. 352 с.
5. *Кузьмин С. Л.* Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 89–99.
6. *Курас Л. В.* Иркутск – форпост Коминтерна на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 21. С. 117–122.
7. *Курас Л. В.* Место и роль Иркутска в осуществлении дальневосточной политики Коминтерна (1920–1922) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 16. С. 173–182.
8. *Курас Л. В., Хишигт Н., Цыбенков Б. Д.* От «революции в колчакии» до монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск, 2020. С. 385–392.
9. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
10. *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М. : Огни, 2003. 320 с.
11. Подвиг Центросибири, 1917–1918 : сборник документов / сост. В. Т. Агалаков. Иркутск, 1986. 477 с.
12. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. док. В 2 ч. Ч. 1. М. : Граница, 2019. 360 с.
13. *Сотникова И. Н.* Коминтерн и начало коммунистической работы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 126–134.
14. *Хишигт Н.* Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой российской революции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию революционных событий в России и периоду гражд. войны и иностр. интервенции. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
15. Монголын тухай БХК(Б)Н-ын баримт бичиг. Баримтын эмхтгэл. I боть (1920–1932) / Эмхт: С. Дамдинсүрэн (хариуц. эмхт), О. Батсайхан, А. С. Железняков (хариуц. эмхт), В. Н. Шепелев. Улаанбаатар : Өнгөт хэвлэл, 2002. 735 т. (= Монголия в документах ВКП(б). Т. 1 (1920–1932) : сб. док. / С. Дамдинсүрэн (отв. сост.), О. Батсайхан, А. С. Железняков (отв. сост.), В. Н. Шепелев. Улаанбаатар : Өнгөт хэвлэл, 2002. 735 с.)
16. *Хишигт Н.* Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй) = Монгольская революция: 1921 (Исследование истории монгольской национально-демократической революции). Улаанбаатар : Бэмбисан, 2011. 299 с.
17. *Ширэндэв Б.* Монгол ардын хувьсгалын түүх (Залруулсан хоёрдахь удаагийн хэвлэл). Улаанбаатар : ШУАХ, 1999. 400 с.
18. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии / сост. и редкол.: Б. В. Базаров [и др.]. Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 1998. 255с.

Autonomous Mongolia and Revolutionary Russia: On the Policy of Soviet Russia Towards Mongolia in 1917–1920 (To the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921)

N. Khishigt

Institute of History and Ethnology MAS, Ulaanbaatar, Mongoliya

L. V. Kuras, B. D. Tsybenov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the evolution of the policy of the Soviet Russia on the issue of Mongolia. The period under study begins with the attempts of Soviet Russia to establish relations with Mongolia in 1917–1918. The authors analyzed in detail the revolutionary aspect of Russian politics in Mongolia. In particular, the article studied the activities of the Section of Eastern Peoples of the Siberian Bureau of the RCP (b) and its structural unit – the Mongol-Tibetan department in 1919–1920. The Communist International in 1919–1920 gave preference to the development of the revolutionary movement in China and therefore the People's Revolutionary Party of Mongolia had to establish a close connection with the political trend in China. Thus, the documents of the Communist International emphasized the motive of the unity of interests of the working masses of China and Mongolia. The activity of the Mongol-Tibetan department was directed only to Mongolia, Tibet was not considered as the nearest object of the world socialist revolution.

Keywords: Soviet Russia, Mongolia, People's Commissariat of Foreign Affairs, Communist International, Section of Eastern Peoples of the Siberian Bureau of the RCP (b), Mongolian-Tibetan Department.

For citation: Khishigt N., Kuras L.V., Tsybenov B.D. Autonomous Mongolia and Revolutionary Russia: On the Policy of Soviet Russia Towards Mongolia in 1917–1920 (To the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 37, pp. 76-87. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.76> (in Russian)

References

1. Bat-Ochir L., Dashzhamts D. *Damdiny Sukhe-Bator. Biografiya* [Damdiny Sukhe-Bator. Biography]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 135 p. (in Russian)
2. Burdukov A.V. *V staroy i novoy Mongolii. Vospominaniya, pis'ma* [In old and new Mongolia. Memories, letters]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 418 p. (in Russian)
3. Dash D. *Boris Zakharovich Shumyatskiy* [Boris Zakharovich Shumyatskiy]. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliyn gazar, 1987, 110 p. (in Mongolian)
4. Golman M.I. et al. *Istoriya sovetsko-mongolskikh otnosheniy* [History of Soviet-Mongolian relations]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 352 p. (in Russian)
5. Kuz'min S.L. Deyatel'nost Setsen-khana Navannerena do i posle mongolskoy revolyutsii 1921 goda [Activities of Setsen Khan Navanneren before and after the Mongol revolution of 1921]. *Vostochnyy arkhiv* [Eastern Archive]. 2018, no. 2 (38), pp. 89-99. (in Russian)
6. Kuras L.V. Irkutsk – forpost Kominterna na Dalnem Vostoke (1920-1922 gg.) [Irkutsk – an outpost of the Comintern in the Far East (1920-1922)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History]. 2017, vol. 21, pp. 117-122. (in Russian)
7. Kuras L.V. Mesto i rol Irkutskaya v osushchestvlenii dalnevostochnoy politiki Kominterna (1920-1922) [The place and role of Irkutsk in the implementation of the Far Eastern policy of the Comintern (1920-1922)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History]. 2016, vol. 16, pp. 173-182. (in Russian)

8. Kuras L.V., Khishigt N., Tsybenov B.D. Ot “revolyutsii v kolchakii” do mongolskoy revolyutsii 1921 goda [From the “revolution in Kolchakia” to the Mongolian revolution of 1921]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij yezhegodnik: 2020* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2020]. Irkutsk, 2020, pp. 385-392. (in Russian)

9. *Mongolija v dokumentah Kominterna (1919–1934)* [Mongolia in the documents of the Comintern (1919–1934)] / nauch. red. B. V. Bazarov. Ulan-Ude, Izd-vo BNC SO RAN Publ., 2012. 527 p. (in Russian)

10. Luzyanin S.G. *Rossiya – Mongolija – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskije vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia-Mongolia-China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946], Moscow, Ogni Publ., 2003, 320 p. (in Russian)

11. Podvig Centrosibiri, 1917–1918 [Feat of Central Siberia, 1917–1918]. Comp. V.T. Agalakov. Irkutsk, 1986. 477 p. (in Russian)

12. Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)]. Moscow, Granica Publ., 2019. 360 p. (in Russian)

13. Sotnikova I.N. Komintern i nachalo kommunisticheskoy raboty v Kitaye [Comintern and the beginning of communist work in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, [Far East problems]. 2011, no. 6, pp. 126-134. (in Russian)

14. Khishigt N. Velikaya rossiyskaya revolyutsiya 1917 g. i natsional'no-osvoboditelnoye dvizheniye mongolov [The Great Russian Revolution of 1917 and the National Liberation Movement of the Mongols]. *Sibir v gody Velikoy rossiyskoy revolyutsii* [Siberia during the Great Russian Revolution]. Ulan-Ude, VSGUTU Publ., 2017, pp. 14-23. (in Russian)

15. *Mongolija v dokumentax VKP(b) (1920–1932) : sb. dokumentov. T. 1 (1920–1932)* [Document of BPC(B)N about Mongolia. Document compilations. Vol. 1 (1920–1932)]. Compl. by S. Damdinsyre'n, O. Batsajxan, A.S. Zheleznyakov, V.N. Shepelev. Ulaanbaatar, Color Edition Publ., 2002, 735 p. (In Mongolian)

16. Khishigt N. *Mongolyn khuv'sgal: 1921 (Mongolyn yndesniy ardhchilsan khuv'sgalyn tyykhiyg nekhen sudlakhuy)* [Mongol Revolution: 1921. (Study of the History of the Mongolian National Democratic Revolution)]. Ulaanbaatar, Bembi san Publ., 2011, 299 p. (in Mongolian)

17. Shirendev B. *Mongol ardyn khuv'sgalyn tyykh (Zalruulsan khoyordakh' udaagiyn khevlel)* [History of the Mongolian People's Revolution (revised second edition)]. Ulaanbaatar, SHUAKH Publ., 1999, 400 p. (in Mongolian)

18. *Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii* [Elbek-Dorzhi Rinchino about Mongolia]. Compl. and editorial board.: Bazarov B.V. and others. Ulan-Ude, Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SB RAS Publ., 1998, 255 p. (in Russian)

Хишигт Норовсамбуу

*Ph.D, профессор, врио директора
Институт истории и этнологии МАН
Монголия, 13330, г. Улан-Батор,
район Баянзурх, пр. Мира
e-mail: khishigt_58@yahoo.com,
n.khishigt09@gmail.com*

Khishigt Norovsamboo

*Ph. D, Professor, Deputy Director
Institute of History and Ethnology MAS
Enkhtaivan av., Bayanzürkh District,
Ulaanbaatar, 13330, Mongolia
e-mail: khishigt_58@yahoo.com,
n.khishigt09@gmail.com*

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: kurashv@yandex.ru.*

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior Research Associate
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: kurashv@yandex.ru*

Цыбенов Базар Догсонович
*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: bazar75@mail.ru*

Tsybenov Bazar Dogsonovich
*Candidate of Sciences (History), Senior
Research Scientist
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: bazar75@mail.ru*